ЛАРИСА ДЯДЬКОВА:

151

Культура. – 2003. – 2–8 окт. – с. 16

Время выдающихся певцов прошло

Имя Ларисы ДЯДЬКОВОЙ украшает сегодня афиши самых знаменитых театров мира – нью-йоркской Метрополитен, миланской Ла Скала, парижской Бастий и многих других. Она считается одной из лучших исполнительниц опер Верди и, естественно, постоянно востребована в русском репертуаре. Появляется Дядькова, хоть не слишком часто, и в стенах родного Мариинского театра, где более двадцати лет назад начиналась ее оперная карьера. Начиналась почти исключительно в репертуаре контральто и травести (что нередко одно и то же): Ратмир в "Руслане и Людмиле", Ваня в "Иване Сусанине", Федор в "Борисе Годунове", Ольга в "Евгении Онегине", Полина в "Пиковой даме", Кончаковна в "Князе Игоре" и т.п. Любая работа певицы обращала на себя внимание, даже небольшие партии (например, цыганка Матреша в "Войне и мире" или Маленькая разбойница в "Снежной королеве") в ее исполнении запоминались подчас ярче, нежели главные. Лишь с приходом к руководству театром Валерия Гергиева Дядьковой удается разорвать этот заколдованный круг. В ее репертуаре появляются Марфа в "Хованщине", Любовь в "Мазепе", Кащеевна в "Кащее бессмертном", Амнерис в "Аиде" и многое другое. Вскоре ее начинают наперебой приглашать западные театры. Мы беседуем с певицей, когда она после серии выступлений в "Аиде" на сцене Арены ди Верона приехала в Москву, чтобы открыть сезон в Большом театре Марфой в "Хованщине".

Л.Дядькова

– Вы уже давно поете эту партию во многих театрах мира в редакции Шостаковича, и непонятно, что побудило вас выучить редакцию Римского-Корсакова, которая практически нигде больше не идет?

– Меня всегда привлекает какая-то новая работа, и просто было интересно взяться сейчас за эту "Хованщину", потому что она очень отличается у Шостаковича и Римского-Корсакова, и Марфа здесь другая. У Римского-Корсакова Марфа намного мягче, женственнее, человечнее.

– Но ведь и в редакции Шостаковича ваша Марфа заметно отличалась в спектакле Мариинского с Гергиевым и в спектакле Ростроповича – Покровского в Большом.

– Это правда. Я с уважением отношусь к работе режиссера, дирижера, и стараюсь максимально выполнить их требования. Конечно, это всегда непросто. Все равно есть уже какие-то наработки, какие-то свои взгляды, от которых, кстати, если мне что-то интересное предлагают, я легко отказываюсь и стараюсь экспериментировать. Потому что на самом деле без этих экспериментов жизнь скучная, творчески скучная. К сожалению, сейчас мало интересных режиссеров, очень мало, но когда они встречаются, я бываю счастлива. Зато хороших дирижеров на моем пути встречалось очень много, по крайней мере, больше, чем режиссеров.

– В последнее время вы поете целый ряд достаточно высоких партий, а ведь начинали вы как контральто. Можно ли говорить о некоей эволюции вашего голоса, обусловившей смену репертуара, или, напротив, такой сменой обусловленной?

– Мне кажется, мой голос не меняется, он какой был, такой и есть. Просто мне Бог дал хорошие низкие ноты и очень наполненный центр, и поначалу я была востребована в театре именно в контральтовых партиях. А когда появилась потребность во мне как певице более широкого диапазона, я стала петь Азучену, Амнерис, другие партии и тоже с ними справляюсь, мне кажется. Но я пою тем же самым голосом, каким и пела.

– А как вы сами думаете, почему во времена Темирканова вы пели только такой репертуар?

– В силу разных причин. Во-первых, у нас очень хорошие меццо-сопрано были в театре в то время, и как всегда молодежи было очень трудно пробиться на какие-то партии. Сейчас все поменялось, и, наоборот, все театры делают ставку на молодежь. Наверное, это правильно: будущее театра – за молодежью, и нужно ей давать возможность распеваться. Другое дело, что и среднее поколение тоже должно петь, хотя бы, чтобы молодежь имела перед глазами примеры определенного уровня мастерства. Возвращаясь к вашему вопросу: может быть, дело еще и в том, что очень трудно увидеть Амнерис в певице, исполняющей Ратмира... Есть опасность, когда ты берешься петь какие-то возрастные или характерные партии, такие, как Дуэнья или Квикли. Я очень боялась петь Дуэнью в свое время, хотя мне было интересно попробовать комические партии. Но я понимала, что это очень опасный путь: если тебя кто-то увидел в Дуэнье, то он вряд ли пригласит тебя на Амнерис. Может быть, меня просто не видели в другом репертуаре. Нужно было еще убедить, доказать, и в конце концов мне удалось это сделать. Сейчас я пою все – и Дуэнью, и Амнерис, и Азучену, и Ежебабу в "Русалке", и скоро рискну еще спеть Графиню. Если ты поешь Графиню на Западе, там сразу скажут: ну все, больше ты уже ничего не можешь петь. Хотелось бы показать, что и с голосом можно спеть эту партию.

– А вот Елена Образцова впервые спела Графиню еще в самом начале своей карьеры...

– Конечно, но это в России, а на Западе – другое восприятие и понимание. Почему-то там это считается уделом певиц, которые практически уже сошли с нормального меццо-сопранового репертуара, и остаются для них вот только такие партии, как Графиня.

– Ваш переход в другое амплуа, на первое положение, во многом был связан с Валерием Гергиевым. Последнее время вы достаточно редко появляетесь в Мариинском театре. Как вообще сейчас складываются ваши отношения с Гергиевым и с Мариинским театром?

– Мариинский театр – мой родной дом, я в нем уже проработала 25 сезонов. С Валерием Гергиевым мы учились в одно время в консерватории, жили в одном общежитии, ходили по одним коридорам. Я уважаю его как личность, как профессионала и думаю, что он так же относится ко мне. В этом смысле, я считаю, отношения у нас просто идеальные. И вы зря думаете, что я редко пою в театре. Этим летом я пела "Хованщину" и Реквием Верди, в предыдущем сезоне у меня было, наверное, шесть-семь спектаклей. То есть я появляюсь регулярно.

– С чего начиналась ваша самостоятельная западная карьера?

– Естественно, сначала, как и многие мои коллеги, я выезжала только с Мариинским театром. Но шила в мешке не утаишь, все равно мы имели возможность показаться. А потом в первый раз я выехала на постановку "Мазепы" на фестиваль в Брегенц. Все прошло очень хорошо, затем эта постановка переехала в Амстердам. Я, конечно, поздно вышла на западный рынок, очень поздно, но я не ропщу: как получилось, так получилось. Все-таки я успела очень много, особенно по сравнению с некоторыми певцами моего поколения, которые так и не получили возможности выразить себя, сидя в одном театре и исполняя достаточно ограниченный круг партий. На Западе все-таки и репертуар побогаче. У меня, например, есть возможность работать в разных постановках, в разных театрах, с разными режиссерами, с разными партнерами. Это всегда очень интересно, даже в моем привычном репертуаре. Партнеры абсолютно меняют твое ощущение, когда ты находишься на сцене.

– Последнее время вы часто выступаете в Арене ди Верона. Какие ощущения вызывает у вас это открытое пространство?

– Я испытываю там совсем другие чувства, чем когда выступаю просто на сцене театра. Я люблю эту площадку именно за ее необычность. Особый размах, который встречаешь, наверное, только здесь, мне, например, дает дополнительный эмоциональный заряд. Конечно, при условии, если будут очень хороший дирижер и хорошая постановка. Акустика там очень хорошая. Еще я люблю, когда перед началом спектакля все зажигают свечи. На самом деле, есть что-то магическое, когда ты видишь вдруг, как это небо звездное открывается, с огромными звездами, и чувствуешь единение с природой. И этот ветер натуральный, развевающий чьи-то плащи и твое платье. Ну и еще какие-то есть неуловимые моменты. Работать там, конечно, непросто, особенно в этом году, когда постоянно была температура 38 – 39 градусов, а в Вероне ведь необорудованные гримуборные для актеров, там нет кондиционеров, стоит маленький вентилятор, допотопный какой-то столик, стульчик складной – вот и все удобства. И для голоса, наверное, сложнее, потому что иногда может быть очень сыро, может пойти дождь. А наш организм – инструмент довольно чувствительный.

– Вернемся к началу вашей карьеры. Как вы сами считаете, что больше вашему становлению способствовало? Хороший педагог, впечатления от каких-то других певцов, которые вы впитывали в себя, анализировали, выбирая свой путь?

– Я из тех людей, которые постоянно собой недовольны. Я получила очень хорошую школу, училась у Ираиды Павловны Левандо, у которой закончила Ленинградскую консерваторию. Но я и потом постоянно училась у всех и всегда, и была рада, кто бы что мне ни говорил. Если даже внутренне я несогласна, то все равно буду думать: почему человек мне это сказал, может быть, что-то не так, начинаю в себе копаться. Меня никогда не будет угнетать, если скажут: у тебя что-то плохо, я начну, наоборот, усиленно искать, как это исправить. Мне очень во многом помогала Алла Бростерман, концертмейстер Мариинского театра, я с ней практически все партии готовила и считаю, что она тоже сыграла очень положительную роль в моем становлении. Я помню нашу работу с Юрием Хатуевичем Темиркановым над "Онегиным", когда я как-то в себя начала верить немножко. Потом, конечно, было много других очень интересных встреч: с Ростроповичем, с Вишневской, с Покровским. Мне очень нравилось работать с Риккардо Мути, когда мы готовили с ним Реквием Верди или "Александра Невского" Прокофьева. Мало кто из дирижеров такого ранга так тщательно работает с певцами.

– А был ли кто-нибудь из певцов, на кого вы ориентировались, кто для вас был чем-то вроде эталона?

– Вы знаете, нет. Я не могу сказать, чтобы я была фанаткой какого-то одного певца. Из современников, из русских певцов мне очень нравится Ирина Архипова. Я считаю ее мастером экстра-класса. Когда я Марфу сейчас учила в редакции Римского-Корсакова, то слушала ее записи – это такая осмысленность, такая глубина, просветленное какое-то исполнение, я чувствую за каждой фразой глобальную работу, и все это в голосе слышно. Вот перед Архиповой я, конечно, преклоняюсь. Ходила на все ее концерты и всегда поражалась ее мастерству.

– Преподаванием вы никогда не занимались?

– Очень короткий период. Я считаю, преподавание – это профессия. Если ты работаешь еще в театре и тем более много гастролируешь, ты не имеешь права быть педагогом, потому что это требует кропотливого, ежедневного труда с учеником. Поработать неделю, а потом на месяц уехать, – я считаю, что это очень непорядочно... Я когда попробовала, то поняла, что должна постоянно полностью отдавать себя студентам. Я очень уставала эмоционально, я очень переживала, я могла не спать ночами и думать о студентах. Это мешало работе моей в театре и гастролям моим, и я прекратила. Я считаю, что нужно чем-то одним заниматься. Если уже твоя карьера идет к закату и ты не выезжаешь, тогда, конечно, можно совмещать.

– Часто ли вам сейчас приходится выходить за пределы оперного жанра, выступать в ораториальных формах или даже с чисто камерными программами?

– Нет, нечасто. Мне в Петербурге постоянно предлагают петь сольные концерты. Конечно, нужно очень много времени, чтобы подготовить новую программу, и не всегда это время у меня бывает. А на Западе очень тяжело получить возможность спеть сольный концерт. Как правило, это легко удается людям, у которых есть эксклюзивные контракты со звукозаписывающими фирмами: фирмы и концерты пробивают, и рекламу организуют. Посмотрите, если вы увидите на афишах каких-то ведущих концертных залов имена, то обязательно будет стоять сноска, что с этим человеком работает такая-то записывающая фирма. Сейчас эти фирмы очень большую роль играют в развитии карьеры. Все певцы стремятся получить эти эксклюзивы, что уже как бы залог успешной карьеры, если ты, конечно, вынесешь всю нагрузку. Это ведь очень тяжело: записываться, когда тебе дается очень короткое время – здоров или нездоров, выспался или не выспался, ты должен в этот день записать все. И у тех молодых певцов, кому удается вынести такую нагрузку для голоса, для психики и вообще для здоровья, все складывается очень хорошо, потому что записывающие фирмы огромные деньги тратят на рекламу, раскручивают тебя, чтобы продавались твои диски. Если вы посмотрите, скажем, журнал "Opera news" или "Opera", или еще какой-нибудь, то увидите там, как правило, одни и те же имена, и они обязательно окажутся связаны с записывающими фирмами. Сейчас вообще, я считаю, время рекламы. А вот время выдающихся певцов, мне кажется, уже прошло. Нет уже таких личностей, как раньше, правда?

– Скажем так: их меньше.

– Да, меньше. И то, если сравнивать с более старшим поколением, еще ныне здравствующим, взять даже те же записи, почувствуешь, что уровень уже не тот. Старые записи со старыми певцами были намного интереснее. И певцы-то, мне кажется, были совсем другого уровня. Сейчас все летают из одного места в другое, некогда перестроить эмоции, некогда перестроить голову, темп жизни высокий очень...

– Есть ли у вас постоянный агент, представляющий ваши интересы на Западе?

– Да. В основном я сотрудничаю с IMG, это очень сильная фирма, которая сейчас работает по всему миру. До какого-то определенного момента у меня был один агент на весь мир, а сейчас я работаю с четырьмя.

– Вы уже несколько лет постоянно живете не в России...

– Я живу со своей семьей в Люксембурге. На самом деле я и в Люксембурге тоже бываю редко. То есть, можно сказать, что я живу везде. Часто бываю и дома в Петербурге.

– А где вы себя чувствуете естественнее?

– Вы знаете, я везде себя чувствую хорошо, если со мной рядом моя семья. Я могла бы жить абсолютно везде, если бы со мной была моя семья.

– Удается ли вам следить за другими видами искусства?

– Вы знаете, очень мало времени. Часто мы с семьей стараемся выбираться в Париж (все-таки Люксембург от Парижа – это три часа на машине), сходить в музей или на какой-то концерт. В драме я уже очень давно не была, я все время оставляю это на будущее: вот чуть попозже нам станет легче, и мы заживем полноценной, счастливой жизнью, будем наслаждаться ею, а не только трудиться, трудиться и трудиться. А так я сейчас всегда наслаждаюсь, когда возвращаюсь домой, наслаждаюсь общением со своей семьей, со своими друзьями. Это для меня сейчас самый отрадный момент в моей жизни. Читаю что-то, если есть возможность расслабиться, остановиться и не собирать очередной чемодан, который я, как уже говорила своей семье, лопатой гружу. Я не смотрю, что я туда бросаю, я сначала бросаю, а приеду на место и уже смотрю, что я взяла, а что не взяла. Лучше взять больше, чем меньше, поэтому у меня чемоданы всегда огромные, в них там все.

– Последний вопрос: о ближайших планах.

– Сейчас ближайшие планы связаны с освоением немецкого репертуара. Буду учить Иродиаду в "Саломее" Р.Штрауса, которую предстоит спеть в Метрополитен. Из-за этого я отказалась от постановки "Бориса Годунова", на которую уже был подписан контракт. Потом у меня идет все "Кольцо" в Чикаго.

Поеду в Даллас петь Графиню в "Пиковой даме". Можно было, конечно, подождать еще с Графиней. Франческа Замбелло, которая должна была первоначально ставить этот спектакль, услышав меня в партии Графини в Зальцбурге, где я пела ее в концертном исполнении с нашим театром и с Доминго, сказала: я хочу, чтобы Графиней у меня была Дядькова. Замбелло – очень интересный режиссер, и я решила согласиться. А потом в Далласе не оказалось тех средств, на которые Замбелло размахнулась со своей постановкой. И тогда они решили какую-то старую постановку возобновить. Но контракт был уже подписан, а мой принцип – никогда не отказываться.

Беседу вел
Дмитрий МОРОЗОВ
Фото Ларисы ПЕДЕНЧУК